

(частично или полностью) свою свободу и собственность, превращаясь или в арендаторов королевских имений⁵⁰, или в зависимых людей, составлявших особую категорию колонов⁵¹. В источниках несколько более позднего времени, например в письмах римских пап VI в., особенно папы Григория I, рустики обычно выступают уже как зависимые от церкви люди⁵².

Таким образом, мы видим, что употребление термина *rusticus* также претерпевает в остготский период истории Италии известную эволюцию, которая свидетельствует об ухудшении положения части свободного сельского населения и переходе свободных земледельцев в зависимое состояние. Рустиками в остготском королевстве все чаще начинают называть именно ту часть свободных земледельцев, которая в еще большей степени, чем трибутарики, теряла свою свободу и свои земельные владения.

Анализ терминологии источников, относящейся к свободному сельскому населению, показывает значительную пестроту и текучесть состава различных групп свободных мелких землевладельцев Италии в конце V—VI вв. При этом мы можем проследить два весьма важных явления: с одной стороны, в связи с остготским завоеванием и пополнением рядов мелких собственников за счет свободных остготских воинов происходит некоторое расширение состава свободного сельского населения Италии (в частности, трибутарики). С другой стороны, в связи с общим процессом феодализации и ростом крупного землевладения одновременно происходит разорение части мелких собственников (как римских, так и остготских) и потеря ими их свободы и собственности. Примером этого может служить изменение положения рустиков.

О степени распространения свободного мелкого землевладения в Италии VI в. можно, кроме того, судить по некоторым косвенным данным, характеризующим политическую роль мелких собственников, в первую очередь, остготских воинов — в жизни общества. Подобные сведения содержат как законодательные, так и нарративные источники остготского времени.

Так, например, данные источников свидетельствуют о том, что остготское правительство короля Теодориха было принуждено принимать некоторые законодательные и административные меры против насильственных захватов знатью земель мелких собственников и против других незаконных „могущественных“ лиц (*potentiores*). Скорее всего, это делалось под давлением рядовых остготских воинов, составлявших основное ядро остготской армии⁵³. Именно влиянием этой общественной прослойки остготского государства можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда важных постановлений, являющихся при этом в большинстве случаев нововведением самого остготского правительства, защищающих неприкосновенность личности свободного (но не обязательно знатного) человека и охраняющих его права в остготском обществе. Особый интерес в этом отношении представляет постановление эдикта Теодориха, запрещающее арест свободного человека (*ingenuus*) без приговора сведущего судьи⁵⁴.

⁵⁰ Cassiod. *Variae*, VI, 9.

⁵¹ *Ibid.*, II, 13, 29; IV, 44; VIII, 30; XI, 10.

⁵² Gregorii I papae *registrum epistolarum*. MGH. *Epistolarum* t. I. Berolini, 1891, I, 42; t. II, Berolini, 1893, IX, 203—206.

⁵³ О других причинах, вызывавших подобные меры со стороны остготского правительства, мы говорили в статье „Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.“ ВВ, т. IX, М., — Л., 1956, стр. 89—93.

⁵⁴ Eth, § 8: „Sine competentis iudicis praeecepto nullus ingenuorum sustineat detentionis iniuriam...“.